

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20170402
УДК 94(47).043+94(47).066"15/17"

Н.А. МИНИНКОВ

АТАМАН ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ И СОБЫТИЯ XVI в. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений (Ростов-на-Дону)
РФ, 344022, Ростов-на-Дону, ул. М. Горького 247, кв.15

В исторической памяти донского казачества события и личности XVI в. играли системообразующую роль. Среди наиболее значимых исторических персонажей в ней – Ермак и Иван Грозный. С ними донские казаки связывали свое появление на Дону и обосновывали право на Донскую землю, поскольку подчеркивали, что Дон был пожалован их предкам Грозным царем за казанскую службу и за участие во взятии Казани под предводительством атамана Ермака. Ссылка на Ермака служила для казаков аргументом для сохранения порядка службы без присяги перед московским правительством, а в конце XVIII в. – права на жительство на Дону перед властями Российской империи. Она также служила аргументом в борьбе за сохранение сословных прав в XIX – начале XX в. и прав на землю. Память о Ермаке использовало в это время правительство.

Ключевые слова: историческая память, места исторической памяти, донское казачество, Ермак, Иван Грозный, А.И. Ригельман, Е.П. Савельев, массовое движение на Дону 1792–1794 гг., П.П. Сахаров, Новочеркасск.

N.A. MININKOV

ATAMAN ERMAK TIMOFEEVICH AND THE EVENTS OF THE 16th CENTURY IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE DON COSSACKS

South Federal University, Institute of History and International Relations
(Rostov-na-Donu)
15, 247 M. Gorky street, Rostov-na-Donu, 344022, Russia

The article objective is the structure analysis of Don Cossacks' historical memory, where events and personalities of the XVI century occupy a system-forming place. Among the most important historical figures are Ataman Ermak and Tzar Ivan the Terrible, whose images became the key points of Don Cossacks' historical memory. These persons are linked with the Cossacks' mentality, in which the idea of the right to the "Don river" and the Don land plays the decisive role. In the Cossacks' consciousness this right stemmed from awarding the Don to the Cossacks' ancestors for "the Kazan service" to Ivan the Terrible, when they allegedly participated in the capture of Kazan under Ermak leadership. The Cossacks believed in the existence of a special charter of Ivan the Terrible according to which their ancestors were granted the Don. This corresponded to the idea of the land rewarding for service, which applies to the most important principle of vassalage and is remuneration for the service to overlord. The Cossacks

---

Николай Александрович Мининков – д-р ист. наук, проф., Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений (Ростов-на-Дону), e-mail: namininkov@sfedu.ru.

Nilolay A. Mininkov – Doctor of Historical Sciences, professor, South Federal University, Institute of History and International Relations (Rostov-na-Donu).

referred to the image of Ermak on many occasions. By referring to Ermak they justified their refusal to take oath to Tzar Mikhail Romanov, as well as to resettle to the Caucasian line on demand of the authorities in the XVIII century. In the XIX – early XX centuries the references to Ermak and awarding the Don by Ivan the Terrible to the Cossacks for the Kazan service became the argument in the struggle for the preservation of the Cossacks' special rights to the land as well as other class laws. Central and local authorities maintained a cult of Ermak among the Cossacks. This was revealed in the founding a new village Ermakovskaya Stanitsa, in naming one of the Don regiments in honor of Ermak, in installing the monument to Ermak in Novocherkassk, and in distribution of his images. Worshiping Ivan the Terrible in the Cossacks' historical memory had no official support as a whole. However it was reflected in the historical science and science-popular literature devoted to the Don. After the Revolution and Civil War, with the Cossacks' abolition, the traditional historical memory about Ermak started to fade and to acquire the features of book memory.

Key words: historical memory, key points of historical memory, Don Cossacks, Ermak, Ivan the Terrible, A. I. Rigelman, E. P. Saveliev, mass movement on the Don in 1792–1794, P. P. Sakharov, Novocherkassk.

Проблематика исторической памяти является для отечественной историографии относительно новой. Возникновение ее определялось процессами в исторической науке, происходившими на рубеже XIX – XX вв., в результате которых историческая память стала рассматриваться как не менее значимый объект исследования, чем факты, события, явления и процессы реальности из прошлого. Стало заметно стремление к исследованию структуры и конкретных проявлений исторической памяти на национальном уровне. Такие проявления выдающийся французский историк П. Нора определял как места памяти. Он поставил большую и исключительно сложную задачу их так называемой инвентаризации, сформировал авторский коллектив историков-соотечественников, который провел исследование такого рода применительно к французской исторической памяти. Аналогичные исследования ведутся немецкими историками. За последние годы исследования по аналогичной проблематике все чаще появляются в российской историографии.

Между тем сложность всякого этнического и полиэтничного сообщества, в том числе российского, предполагает, что наряду с общей, национальной исторической памятью могут быть ее локальные варианты. «Память порождается той социальной группой, которую она сплавивает, ... существует столько же памятей, сколько и социальных групп» [1, с. 20], – подчеркивал П. Нора. При этом локальные варианты, в том числе исторической памяти казачества, содержат в себе ядро национальной исторической памяти, которое преломляется через региональные культурно-исторические особенности. Поэтому для населения региона, его этносоциальных групп характерны также собственные исторические мифологемы, которые ложатся в основание этой исторической памяти. Сама по себе историческая память – исключительно сложное по своей природе культурно-психологическое явление. Психологические ее основы определяются ментальностью общества, или его коллективными бессознательными началами, но как явление культуры она имеет рациональные основания и может быть оформлена в определенном интеллектуальном продукте. В свою очередь, ментальность сообщества определяется образом его жизни, на основе которого возникает определенная система ценностей этого сообщества.

Основополагающие ценности донского казачества соответствовали существованию его как воин-

ского сообщества и включали в себя его вольность и независимое положение по отношению к московской власти, они напрямую были связаны с образом его жизни. С поражения восстания Степана Разина, когда в 1671 г. войско Донское вынуждено было принять присягу на верность царю Алексею Михайловичу, вольность казаков была государством резко ограничена, начался процесс инкорпорации Дона в политическую систему государства. После поражения донских старообрядцев в ходе массового движения 1686–1689 гг. [2; 3] и Булавинского восстания, после того как царь стал утверждать донских атаманов, после перевода в 1721 г. войска Донского в подчинение Военной коллегии [4] донская казачья вольность окончательно ушла в прошлое. Соответственно произошла эволюция системы ценностей, вольность в качестве ценности уходит в прошлое, первостепенное место в качестве ценностей занимают верность и служба царю, наиболее отличившиеся в боях казаки получали неформальное звание «царских слуг» [5, с. 82].

Но при всех этих изменениях в основе ментальности казачества лежало глубокое представление о праве их на Дон и Донскую землю. На таком представлении они при необходимости основывали свои ответы московским властям более раннего времени, а затем новым поселенцам на Дону, не относившимся к казачеству, а таких постепенно на протяжении XVIII – начала XX в. становилось все больше. При необходимости они могли вспомнить о своем праве на Дон и перед властями Российской империи. Вместе с тем общее представление на ментальном уровне должно было получить рациональное, осмысленное выражение в виде системы положений, основывавшихся на доказательной базе. Здесь нашла свое проявление рациональная сторона исторической памяти донского казачества. В ней сложилась версия, принятая многими поколениями донских казаков и просуществовавшая фактически до завершения существования казачества как сословия.

Для исторической памяти донского казачества события и личности XVI в. играют системообразующую роль. Это не случайно. Как и для всякого этноса или социума, представление о собственном генезисе составляет краеугольный камень его исторического сознания. К представлению о генезисе может быть отнесено прежде всего утверждение в массовом сознании его представителей понятия о приобретении сво-

ей территории и утверждении на ней. Донские казаки в массе своей были уверены, что их территория, «река Дон», была получена ими от Ивана Грозного. Первым из историков на это указал строитель крепости святого Дмитрия Ростовского, инженер, генерал-майор А.И. Ригельман, писавший историю войска Донского в период своей службы на Дону в 1774–1778 гг. [6, с. 362]. Он привел известное предание донских казаков о пожаловании им Дона царем Иваном Васильевичем за участие во взятии Казани.

По словам Ригельмана, царь им «Дон пожаловал, и грамотою утвердить изволил, с тем, что кто буде дерзнет сих Донских Козаков с мест их сбивать, да тот будет проклят во веки веков». Ригельман писал о мерах властей, направленных на закрепление среди казаков идеи пожалования им Дона Иваном Грозным. Он указывал, что «с оной же грамоты во все станицы войска Донского даны, для сведения Козацкого, списки, которые читаются при собрании в день Покрова Святой Богородицы после обедни».

По-видимому, он и сам верил в существование такой грамоты, хотя, конечно же, не видел ее, поскольку ее существование является историческим мифом. Ригельман полагал, что тем самым произошло то, что донские казаки «добровольно поддались России в 1549 году, почти с таким же договором, как Украинские Козаки потом поддались же Польше» [7, с.19]. Свое знание этой версии генерал-историк соединял с имевшимися у него историческими знаниями. Ему было известно, что по универсалу 1572 г. король Сигизмунд II Август учредил казачий реестр на Украине, и по такой же модели, как полагал он, строились отношения между Россией и донскими казаками при Иване Грозном.

Еще одним историком, который приводил версию о пожаловании Дона казакам за казанскую службу Иваном Грозным, был донской казак и новочеркасский чиновник Е.П. Савельев. В своем труде, создававшемся в начале прошлого века, он писал, что, согласно преданию, Иван Грозный «пожаловал» казакам Дон «со всеми его реками и подтеклинками», а их «казанская служба» была причиной этого пожалования. Савельев далее указывал, что, согласно преданию, после подавления Булавинского восстания Петр I будто бы отобрал у войска Донского эту грамоту и пообещал заменить ее новой. Но, по преданию, новая грамота войску Донскому с аналогичным содержанием, как он отмечал, так и не была выдана [8, с. 224]. Сам Савельев эту версию едва ли считал достоверной. Она явно противоречила его концепции взаимоотношений между донскими казаками и московскими властями, согласно которой казаки верно служили России и монархии, а русские власти постоянно стремились подчинить вольный Дон и казаков [9, с. 141, 145].

Таким образом, свое проживание на Дону донские казаки связывали с помощью России в борьбе с Казанью и ее присоединении. Отсюда пошло распространение в их исторической памяти культа Ивана Грозного, будто бы пожаловавшего им Дон. Не в мень-

шей мере среди донских казаков было распространено почитание атамана Ермака, образ которого шел рядом с образом Ивана Грозного. Выдающийся донской историк В.Д. Сухоруков приводил донскую казачью историческую песню о Ермаке. В песне Ермак показан воровским атаманом, который «гулял» «по синю морю по Хвальнскому». Но в песне затем Ермак завоевал Сибирь и принес царю «буйную головушку», а вместе с ней и «царство Сибирское». Это высоко оценил Иван Грозный. Согласно песне, он сказал атаману: «за твою-то ли службу мне за верную, и я жалую тебе, Ермак, славной тихой Дон». В песне царь назвал Ермака «войсковой донской атаманушка» [10, с. 533], что являлось совершенно очевидным историческим мифом.

Царь и Ермак являются героями другой донской казачьей исторической песни, записанной в 1875 г. академиком Е.А.Ознобишиным в Цымлянкой станице. В ней Ермак призывал казаков пойти и послужить «царю белому во Казань-город». За это, говорил атаман, «Авось нас царь и пожалует: И будем просить славный Тихий Дон с потоками и с белой Маночью». Вариант этой же песни был записан в 1866 г. в станице Усть-Быстрианской. В нем Ермак с несколькими сотнями казаков взял Казань и «избавил ... войско царское от урона». За это «царь пожаловал Ермака князем», «наградил медалью именною», но, главное, «подарил Ермаку славный тихий Дон со всеми его речками и проточками». После этого, по словам песни, «возговорит Ермак донским казакам: пойдемте, братцы, на тихий Дон покаемся, неженатые все поженимся» [10, с. 530]. Покаяние упомянуто не случайно. Среди донских казаков была широко распространена версия о прежней, «разбойной» истории казачества, которая имела определенную историческую основу, связанную с разбоем казаков на Волге и Каспийском море. По содержанию песня также совершенно мифологична. В донском казачьем фольклоре образы Ивана Грозного и Ермака тесно переплетаются, а Дон предстает как царское пожалование землей за службу, или как осуществление средневекового феодального принципа вассальной по-земельной дачи за службу сюзерену.

По историческим представлениям казаков, Иван Грозный и атаман Ермак стояли не только у истоков существования казачества на Дону и утверждения права казаков на Дон и Донскую землю, но и положили начало сложившемуся в последующем порядке вольной службы казачества царю, также вполне средневековому и соответствующему принципам сюзеренитета – вассалитета. Когда в 1632 г. правительство царя Михаила Романова потребовало от войска Донского принесения присяги на верность царю, казаки в своей отписке в Москву выразили свой отказ от нее и дали при этом исключительно четкое историческое обоснование. «При бывших государех старые отоманы и казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованьем. В которая время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу отоманы казаки выходили з Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терка, (и) отоман Сусар Федоров и многие отоманы козаки яму,

государю, под Казанью служили не за крестным целованьям», – писали казаки.

Приведенный отрывок из отписки отражает не только историческую мифологию об Иване Грозном, распространенную на Дону. Он также соответствует политической цели войска Донского, заключавшейся в стремлении сохранить свою независимость и такой порядок службы царю, который бы не затрагивал основ этой независимости. В историческом обосновании, которое давали казаки, важное место отведено Ермаку. В отписке говорится: «При царе Иване выходили отоманы казаки. Ермак Тимофеев Сибирь взял и прислал к Москве государю с языки. И царь Иван и тех отоманов козаков, которые к Москве присланы, не велел к кресту приводити. А Ермаку и вперед указал быти на своей государеве службе отоманом козаком в Сибири не за крестным целованьям» [10, с. 470].

Таким образом, не только Иван Грозный, но и Ермак выступал хранителем традиции, согласно которой донские казаки служили царю без присяги. Эта часть отписки также содержит историческую мифологию. Вопрос о приведении к крестному целованью казаков атамана Ермака, завоевавших Сибирское царство, вообще не стоял. Приведение к присяге казаков, служивших в гарнизонах сибирских городов, будет происходить в более позднее время. Но в данном случае для обоснования отказа от крестного целованья войску Донскому Ермак был необходим как исторический пример.

Мифологическую в своей основе версию о пожаловании донцам за казанскую службу реки Дон и Донской земли казаки разных станиц высказывали в период массового движения на Дону 1792–1794 гг., когда они выступали против грубейших нарушений начальством традиций переселения казаков во время создания новой укрепленной линии по Кубани и на Северном Кавказе. В ответ на требования войсковых властей составлять списки станичников на переселения с семьями в станицах нередко заявляли, что еще «блаженной и вечнодостойной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предъков их жаловал неперменным жительством на Дону»¹ [11]. В данном случае в сознании казаков царь стоял на страже их права проживания на Дону. Он, таким образом, выступал их защитником. Такой исторический образ царя полностью соответствовал их стремлению добиться отмены распоряжения о массовом переселении с семьями на линию.

Известно, что отношения между исторической наукой и массовым историческим сознанием, основанным на памяти народа, носят очень сложный и противоречивый характер. Упрощенное и в основе своей просветительское представление об отношении между историей как наукой и исторической памятью широких слоев населения, основанной на мифологическом восприятии прошлого, когда благодаря достижениям

науки исторические мифы уходили в прошлое, преодолено [11, с. 93]. Этому способствовал весь опыт взаимоотношения науки и исторической памяти в новейшее время. Реальные взаимоотношения оказываются значительно сложнее.

Историческая память народа вполне способна оказывать свое обратное воздействие на сознание историка-исследователя. Таким исследователем истории донского казачества выступал в начале XX в. П.П. Сахаров – сын донского священника неказачьего происхождения, окончивший в 1911 г. историческое отделение Харьковского университета и являвшийся учеником Д.И. Багалая. Под его руководством Сахаров написал интересное исследование по вопросу о происхождении казачества на Дону, в котором сделал вывод о связи его не с разбоями, но с промыслово-трудовой деятельностью уходившего на Дон русско-украинского населения. Выводы ученого имели солидную источниковую базу. Вместе с тем в оценке Ивана Грозного, в царствование которого происходили эти процессы, он явно допускал идеализацию под воздействием мифа о царе в массовом сознании казачества. В своей студенческой работе, получившей медаль университета, он писал об Иване Грозном: «Сильный народной любовью, окруженный ореолом славы завоевателя двух царств, молодой, энергичный и несомненно талантливый Иван IV отлично пользовался в 1550-х годах и многочисленным кадром (так!) опытных воевод, создавшимся за две войны, и народным подъемом, и драгоценными для степной войны качествами своего частью набранного с Поля полуказацкого войска, превосходившего татар “огненным боем”»².

Со временем П.П. Сахаров освобождался от влияния на него исторического мифа. В своей поздней неопубликованной работе об историографии похода Ермака, рукопись которой была сдана им в музей в 1961 г., он резко выступал против идеализации Ивана Грозного, столь ярко проявившейся в работах советских историков после Великой Отечественной войны. По его словам, в статье Г. Красинского о походе Ермака, опубликованной в «Вопросах истории» в 1947 г., слишком проявлялась «приверженность отжившему теперь культу личности Ивана IV, так превозносимого в 1940-х годах»³.

Еще один яркий пример воздействия на историческую науку народной исторической памяти проявился в отрывке из очерка об Области войска Донского в труде «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Его автор, географ М.С. Семенов, писал, что якобы было «установлено, что в 70-х годах

² Сахаров П.П. Заселение Донского края, в связи с условиями местного быта, по печатным и архивным материалам. Рукопись // Ростовский областной музей краеведения (РОМК). Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/9. Л. 10.

³ Сахаров П.П. Уралец Ермак Тимофеевич и его атаманы-вогари в новейшей послевоенной советской историографии (новейшая советская историография о начальном завоевании Сибири, по преданиям-сказаниям поздних летописей и по современным событиям грамотам-документам) // РОМК. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/32. Л. 3.

¹ Российский архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 9 об., 14, 28, 39 об. и др.

XVI в. Ермак был избран старшиной от Кагальницкой станицы (под Ростовом) и поставлен для охраны границы от Астрахани до р. Дона, но сам примкнул к разбойничьим шайкам на Волге» [12, с. 866]. В рассказе отражен один из вариантов версии о Ермаке как о донском казаке. Такая версия была очень популярной среди казаков. Эту же версию высказывал в 1898 г. донской просветитель и первый библиотекарь Новочеркасской библиотеки Ф.К. Траилин, писавший, что в станице Кагальницкой «одно время состоял атаманом Ермак Тимофеевич, впоследствии – завоеватель Сибири»⁴.

Почитание Ермака на Дону проявлялось в существовании его изображений. В станичных избах, где производился по нормам обычного права станичный суд, «в старину висел портрет Ермака» [12, с. 193]. Центральные и войсковые власти также делали немало для утверждения в исторической памяти казачества образа Ермака. В 1876 г., когда на войсковых запасных землях в пределах Первого Донского округа была образована новая станица, она была названа Ермаковской, и туда был назначен атаман⁵. Когда же в начале XX в. донским полкам давались имена почетных «шефов» или личностей, связанных с военной историей казачества, Третий Донской казачий полк получил имя Ермака Тимофеева. В 1904 г. недалеко от войскового Воскресенского собора в Новочеркасске был возведен памятник Ермаку работы академика В.А. Беклемишева. Совершенно правомерно войсковые власти решили не указывать в надписи на памятнике, что Ермак – донской казак, поскольку хорошо осознавали, что доказательств этому в источниках нет, и ограничились надписью: «Ермаку – донцы», несмотря на то, что для значительной части донцов принадлежность этого атамана к донскому казачеству была несомненной. Культ Ермака присутствовал в исторической памяти донского казачества.

После революции и Гражданской войны, с упразднением казачьего сословия, традиционная историческая память о Ермаке стала на Дону стираться и приобретать черты книжной памяти, что составляет тему особого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
2. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. 335 с.
3. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 277 с.

4. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.

5. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года, декабря 31 дня, Евлампия Кательникова. Новочеркасск, 1886. 63 с.

6. Аваков П.А. Труды и дни Александра Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. ст. СПб.: Алетей, 2010. С. 351–374.

7. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Ростиздат, 1992. 220 с.

8. Савельев Е.П. Средняя история казачества. Новочеркасск, 1915. 25 с.

9. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. 228 с.

10. Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 696 с.

11. Гадамер Г.Г. Миф и разум // Гадамер Г.Г. Актуальность пре-красного. М., 1991. С. 92–99.

12. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Дервиена, 1910. Т. 14: Новороссия и Крым. 983 с.

REFERENCES

1. Nora P. The problems of the historical memory places. *Frantsiya-pamyat*. Saint Petersburg, 1999, pp. 17–50. (In Russ.)
2. Drushinin V.G. Schism on the Don in the late XVIII century. Saint Petersburg, 1889, 335 p. (In Russ.)
3. Sen' D.V. Don and North-West Caucasus Cossacks in relations to the Muslim states of the Black Sea region (the second half of the XVII – early XVIII centuries). Rostov-on-Don, 2009, 277 p. (In Russ.)
4. Pronstein A.P. The Don land in the XVIII century. Rostov-on-Don, 1961, 375 p. (In Russ.)
5. Historical data of the Don Army about the Verkhne-Kurmoyarskaya village composed of legends of old-timers and own notes of Evlampiy Katelnikov, 1818, December 31. Novocherkassk, 1886, 63 p. (In Russ.)
6. Avakov P.A. Works and days of Alexander Ivanovich Rigelman (1714–1789). *V teni velikikh: obrazy i sud'by*. Saint Petersburg, 2010, pp. 351–374. (In Russ.)
7. Rigelman A.I. The history of Don Cossacks. Rostov-on-Don, 1992, 220 p. (In Russ.)
8. Saveliyev E.P. The Cossacks average history. Novocherkassk, 1915, 25 p. (In Russ.)
9. Kornienko B.S. The right Don: Cossacks and nationalism ideology (1909–1914). Saint Petersburg, 2013, 228 p. (In Russ.)
10. Historical songs of the XIII–XVI centuries. Moscow; Leningrad, 1960, 696 p. (In Russ.)
11. Gadamer G.G. Myth and mind. *Gadamer G.G. Aktual'nost' prekrasnogo*. Moscow, 1991, pp. 92–99. (In Russ.)
12. Russia. A complete geographical description of our fatherland. Table and road book. Ed. P.P. Semenov-Tian-Shansky and general guidance of P.P. Semenov-Tian-Shansky and Acad. V.I. Lamansky. Saint Petersburg, 1910, vol. 14: Novorossia and Crimea, 983 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.09.2017

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Ф. 486. Л. 11.

⁵ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1308а. Л. 18 и др.